

ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОСТИ ПОЗДНЕГО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В КОНТЕКСТЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ РЕЛИГИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ И СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ¹

© Татьяна Сергеевна ПРОНИНА

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
директор Центра религиоведческих исследований
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: tania_pronina@mail.ru

Религиозное возрождение, пережитое Россией в постсоветский период, является предметом пристального изучения и получает неоднозначную оценку исследователей. Данный феномен объединил в себе сложные процессы, имеющие разнонаправленный и противоречивый характер. Качественные и количественные показатели этого возрождения могут получить объективную оценку только при выяснении предшествующих им культурно-исторических предпосылок. Историко-сравнительный анализ, включающий сравнение основных проявлений религиозности в их пространственно-временном измерении, указывает на наличие в советской действительности условий, предопределивших «ревитализацию» религии в постсоветский период. Среди основных причин «религиозного возрождения» названы сохранение религиозности населения на уровне обрядов и бытовых традиций, воспроизводство практикующей религиозности в узком кругу глубоко верующих людей и рост интереса к религии в 1970-е гг. в различных слоях советского общества. Предпринят анализ данных по двум областям: Тамбовской и Свердловской, которые обнаруживают различия в характере религиозности населения, предопределенные историко-культурными процессами. Это позволило прийти к важным выводам о механизмах сохранения и воспроизводства религиозности. В исследовании использованы документы региональных архивов, воспоминания очевидцев описываемых событий, собранные в ходе полевых исследований.

Ключевые слова: религия; религиозность позднего советского периода; религиозные практики; религиозное возрождение

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-123-134

В постсоветский период Россия пережила религиозное возрождение. Однако данный феномен объединил в себе сложные процессы, имеющие разнонаправленный и противоречивый характер. Качественные и количественные показатели этого возрождения могут получить объективную оценку только при выяснении предшествующих им культурно-исторических предпосылок. Историко-сравнительный анализ, включающий сопоставление основных проявлений религиозности в их пространственно-временном измерении, указывает на наличие в советской действительности условий, предопределивших «ревитализацию» религии в постсоветский период. Среди основных причин следует называть сохранение религиозности населения

на уровне обрядов и бытовых традиций, воспроизводство практикующей религиозности в узком кругу глубоко верующих людей и рост интереса к религии с 1970-х гг. в различных слоях советского общества.

Официальные опросы позднесоветского периода свидетельствуют о почти полной «безрелигиозности» населения. Такие данные в полной мере находились в соответствии с господствующими идеологическими установками и должны были подтвердить советский постулат о религии как об уходящем в прошлое анахронизме.

Однако сопоставление информации, полученной из различных источников, ставших доступными современным исследователям, воспоминаний очевидцев, позволяют сделать вывод о наличии устойчивой «скрытой» религиозности советских людей. Многие элементы обрядности, прежде всего, обряды жизненного цикла и праздничные ритуалы, ставшие частью общекультурной традиции,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-03-00387 «Традиционные религии и религиозная идентичность в пост-секулярном обществе: на основе исследования православных приходов».

функционируют на уровне долговременных слоев этнокультурной идентичности, что и определяет их устойчивое сохранение во времени.

Данные официальных отчетов советского периода отражают ситуацию искаженно и весьма неполно. Более объективную картину позволяет воссоздать дополнение этих данных свидетельствами очевидцев, участников событий, информацией из материалов церковных и личных архивов. В ходе бесед, встреч исследователи стремились выявить внешние признаки, подтверждающие наличие религиозности у граждан в позднесоветский период: это могли быть разговоры о вере и религии в семье, совершение обрядов: молитв, крещений, похоронных ритуалов, присутствие традиций, связанных с религиозными праздниками и т. п. Благодаря таким изысканиям картина религиозности советского и позднесоветского времени стала меняться, обнаруживая существенные отличия от официальных отчетов, и показала гораздо более высокий уровень религиозности населения.

Официальные документы подтверждают, что в послевоенный период наблюдалось значительное повышение активности религиозных объединений и верующих. Исследователи, например, М.И. Одинцов, характеризуют первое послевоенное десятилетие как религиозное возрождение [1, с. 310]. Это отражается и в росте количества ходатайств об открытии храмов, и в активизации деятельности незарегистрированных религиозных групп. Согласно «Сведениям об изменениях в православных церквях, молитвенных домах и монастырях по Тамбовской области» и «Информационному докладу», подготовленному Уполномоченным по делам Русской православной церкви по Тамбовской области Н.К. Павловым за 1945 г., в рассмотрении находится 25 заявлений с ходатайствами об открытии церквей, 40 ходатайств уже отклонено. Только за четвертый квартал 1945 г. подано 5 заявлений, открыто 8 церквей, за второй квартал 1946 г. подано 17 заявлений [2, л. 4, 22]. В 1946 г. в Тамбовской области 24 действующих церквей, в 1947 г. их уже 43 [2, л. 83]. Зарегистрировано за четвертый квартал 1945 г. 10 священнослужителей, за первый квартал 1946 г. еще 8 [2, л. 19]. О росте активности религиозной жизни свиде-

тельствует и увеличение числа обращений верующих к Уполномоченному по делам РПЦ: первый квартал 1946 г. – 225, второй квартал 1946 г. – уже 400 обращений [2, л. 22]. Аналогичная картина наблюдалась и в Свердловской области. В 1943 г. была восстановлена Свердловская епархия. Уже в 1944 г. от верующих Свердловской области поступило 93 ходатайства об открытии храмов, из них было удовлетворено 4, в 1945 г. поступило 79 ходатайств, была открыта одна церковь [3].

Об оживлении религиозной жизни говорит и рост церковных сборов на патриотические взносы от Тамбовской епархии: четвертый квартал 1945 г. – 87022 руб., первый квартал 1946 г. – 118852 руб. [2, л. 3, 26]. В архивных документах также хранится Справка от 15 июня 1946 г., предоставленная Уполномоченному секретарем Тамбовского епископа протоиереем И. Леоферовым о подписке на «Заем на восстановление народного хозяйства» в размере 383325 руб. [2, л. 34]. Общее количество денежных средств, внесенных церковными общинами Свердловской области на государственные счета в 1941–1945 гг., составило 15579 тыс. руб. [3].

Но в этот же период параллельно продолжается процесс закрытия храмов, репрессии в отношении священнослужителей и активных верующих, которых обвиняют в антисоветской деятельности, нарушении советских законов. Так, в 1949 г. в Свердловской области предпринят целый ряд негативных административных мер в отношении церкви и духовенства: в храмах были отключены электрическое освещение, водопровод, сняты телефоны. Усилено налогообложение священнослужителей [4, с. 85]. Позже, в соответствии с Постановлением ЦК КПСС «О ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах» от 13 января 1960 г., власти начали изымать причтовые дома и автомашины, находившиеся в пользовании общин. В ряде городов были созданы группы содействия уполномоченным по делам религии для усиления мер по реализации постановления [4, с. 90].

Таким образом, численность духовенства Свердловской епархии с 74 человек в 1959 г. сократилась к 1961 г. до 58. В 1960 г. в сан было рукоположено два священника, в последующие три года – ни одного. Общее ко-

личество действующих церквей в 1949 г. было 33, к 1962 г. их оставалось 29 и 4 молитвенных дома. Для сравнения: в 1913 г. в Свердловской епархии насчитывалось 591 церковь, 725 часовен и молитвенных домов [5].

Если говорить об активности религиозных практик, по свидетельству очевидцев, в 1940–1960-е гг. уровень их был довольно высоким. Этот вывод получает и документальное подтверждение в материалах отчетов Уполномоченных по делам религий, материалах из архивов церквей, которые стали доступны исследователям в последние десятилетия, а ранее тайно хранились верующими.

Так, в Покровском храме г. Тамбов в этот период, по рассказам горожан, праздничные богослужения, несмотря на запреты и препятствия, посещали до 2500 человек, хотя вместимость тамбовского Покровского собора – 500 человек. По свидетельству очевидцев тех лет, которые приводят М.Г. Нечаев, иерей В.А. Мусихин в книге «История Екатеринбургской епархии»: «Число причастников в кафедральном соборе эти дни (праздничные дни. – *Т. П.*) составляло 700–800 человек ежедневно, а священников служило всего трое» [6, с. 487]. Авторы также приводят фрагмент из доклада настоятеля нижнетагильской церкви протоиерея Николая Лопатина правящему архиерею, подтверждающий участие большого числа верующих в богослужениях в Свердловской области: «значительная посещаемость нашего храма мужской молодежью, ее участие в домашнем богослужении, которое мы совершаем по вызову старших, их участие в качестве восприемников при крещениях и, наконец, самостоятельное восприятие ею святых таинств Церкви – браки, исповеди и причащение» [6, с. 491]. Такие данные вполне сопоставимы с данными по посещению православных богослужений в 2000-е гг. Для сравнения – в 2012 г., «рекордном» по посещению храмов, как отмечали источники Патриархии, пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя в Москве посетили 6 тыс. человек [7].

О сохраняющейся религиозности населения в советский период свидетельствует также посещение верующими «святых мест», которые в официальных документах были упомянуты как «так называемые святые места». В Тамбовской области проблема палом-

ничества к «святым местам» стояла столь остро, что был разработан целый план мероприятий по прекращению подобных посещений: чтение лекций, проведение собраний, беседы с врачами, ограждение, строительство вблизи источников животноводческих объектов. О распространенности практики паломничества говорит то, что только за 1959 г. этому посвящено несколько докладных записок Уполномоченного по делам РПЦ и религиозных культов по Тамбовской области А.И. Заворыкина. Весьма характерны и методы противодействия: «построить в районе источника птицеферму и под предлогом занесения инфекционных болезней запретить посещение источника», «на территории источника села Вязовое Жердевского района строится летний лагерь для свиней» [8, л. 27-28, 37, 52-55] и т. п. Однако тот же А.И. Заворыкин признает, что, например, не удастся прекратить многочисленные паломничества к озеру в Мамонтову пустынь в день памяти Николая Чудотворца.

Приведем более подробные сведения по Тамбовской области, которые также подтверждают относительно высокий уровень религиозной активности жителей в советский период: только по официальным отчетам 1965 г., более 53 % рождающихся детей были крещены, такая же ситуация сохраняется и в 1970-е гг. В Свердловской области в 1968 г. было совершено 4956 крещений и 247 венчаний [6, с. 498].

Но большое число крещений совершалось священниками в обход церковной регистрации. Также значительное число крещений, за неимением священника, совершалось так называемыми «бабушками», «черничками», старающимися поддерживать и сохранять при отсутствии священнослужителя религиозные традиции. Таких, не попадающих в официальную статистику крещений, по мнению некоторых современников, было не меньше совершаемых официально, и крестили в послевоенное время, в 1950-е, 1960-е гг. до 80 % рождающихся детей.

В «Информационно-отчетном докладе о состоянии движения и деятельности церковников в Тамбовской области за 1959 г.» от 29 января 1960 г. Уполномоченного А.И. Заворыкина представлены сведения о совершении обрядов по годам. Исповедовавшихся взрослых за год: 1955 г. – 131679 человек,

1958 г. – 132285 человек, 1959 г. – 153741 человек; детей: 1955 г. – 15909, 1958 г. – 11025, 1959 г. – 10108. Количество присутствовавших на Пасхальной заутрени: 1955 г. – 107035 человек, 1958 г. – 88033, 1959 г. – 98464 человека. Это составляло в среднем около 6,5 % населения области по подсчетам самого Уполномоченного, то есть реально уровень исполнения обрядов был еще выше. Причем в сельских приходах, согласно тому же официальному отчету, присутствовало на праздничных богослужениях до 30 % тогда еще многочисленного населения сел. Приложившихся к Плащанице: в 1955 г. – 166070 человек, в 1958 г. – 142446, в 1959 г. – 150942, что соответствует 11 % населения [2, л. 148-181]. Названные цифры вполне сопоставимы с современными аналогичными показателями. Общий вывод Уполномоченного с учетом исполнения таких обрядов, как исповедь, крещения, отпевания, посещение Пасхальных служб, обряды исполняют 11 % населения области.

Если сравнивать эти показатели с данными сегодняшних дней, то следует отметить, что в структуре религиозных практик современных россиян произошли определенные изменения. Так, крещений совершается значительно больше – до 80 % от родившихся, тогда как по отчету Уполномоченного в 1950-е гг. их совершалось 31,5 % от всех родившихся. Но в официальном отчете не учитывались крещения, как уже отмечалось, совершенные без церковной регистрации. В действительности, крещений было значительно больше, чем указывалось в официальных отчетах.

Массовый характер у современных россиян также приобрело посещение праздничных богослужений – около 10 % населения посещают ночные Рождественские и Пасхальные богослужения. Что же касается других обрядов, требующих регулярного исполнения, таких как исповедь, причастие, еженедельное посещение богослужений и др., исследователи фиксируют уровень от 2 до 6 %, что не превышает показатели 1960-х гг. и даже ниже.

На основании анализа официальных документов можно сделать вывод, что приверженность традиционным религиозным практикам сохранялась у определенной части населения и в годы жестких ограничений рели-

гиозной жизни и активной антирелигиозной пропаганды.

Данный вывод подтверждают и свидетельства очевидцев, по словам которых в большие религиозные праздники действующие храмы были переполнены, верующие заполняли и прилегающие к церквям территории. К примеру, в единственном действующем храме г. Тамбов в 1970-е гг. по воскресным дням служили по 3 литургии, чтобы удовлетворить потребность всех желающих принять участие в богослужении (Справка атеистов о посещении церкви 28 февраля 1965 г.) [9, с. 359]. М.Г. Нечаев и В.А. Мусихин отмечают, что и в городах Свердловской области из-за наплыва верующих из деревень церкви не могут вместить всех желающих, и в ряде храмов сооружаются дополнительные приделы [6, с. 492].

Об уровне религиозной активности населения в 1960–1970-е гг. косвенно свидетельствует такой показатель, как размеры церковных сборов. К примеру, в 1965 г. годовой оборот Тамбовской епархии составлял 1365596 руб. Сумма по советским меркам огромная. Даже если учесть, что основная статья дохода епархий – это продажа свечей (около 50 %), тогда как прямые пожертвования составляли около 10 %, а требы от 3 до 20 % (данные по Тамбовской епархии), размеры церковных доходов говорят о количестве верующих, приобретающих свечи и совершающих обряды.

В 1970-х гг. многие исследователи отмечали спад религиозности населения, который имел место в силу объективных причин. Одна из них – активные процессы переселения сельских жителей в город. Снижение уровня религиозности части переселившихся объясняется целым рядом социокультурных факторов. Большинство из новоявленных горожан устраиваются работать на промышленные предприятия, где активно действует парткомитет, комсомольская организация, уделяющие внимание антирелигиозной пропаганде. Переселившиеся, кроме того, отрываются от традиционных устоев, уходят от влияния пожилых, более религиозных, родственников [10].

Снижение религиозности населения было и следствием атеистической политики Советского государства, репрессий 1920–1930-х гг. в отношении верующих, священнослужите-

лей, религии в целом, сворачивания государственного курса терпимого отношения к религиям и религиозным объединениям, обозначившегося в 1943 г., уже к концу 1940-х гг. и развернутой с конца 1950-х гг. новой антирелигиозной кампании. В результате к середине 1960-х гг. существенно сократилось число действующих церквей, приходов, монастырей, молитвенных домов, мечетей, синагог, религиозных учебных заведений [11].

Так, по архивным данным, в г. Нижний Тагил Свердловской области в 1970 г. число посетителей единственного действовавшего в городе Казанского храма в дни крупных религиозных торжеств упало до 400–600 человек, снизившись в 4–6 раз по сравнению с концом 1950-х гг. [12, л. 397; 13, л. 289]. Также в единственной действующей церкви г. Свердловск в 1970-е гг. ее наполняемость колебалась от 40 человек в будние дни до 800 человек в дни церковных праздников [14, л. 3].

Прямые опросы, проводившиеся в этот период, скорее также подтверждают выводы о почти полной безрелигиозности советских граждан. Так, по результатам исследований М.Ф. Калашникова, в начале 1970-х гг. в г. Пермь и области лишь 1,2 % молодых людей заявили о своей религиозности в традиционной форме веры в бога. При этом в 3–4 раза больше человек признались в том, что верят в различные сверхъестественные явления. Те же тенденции наблюдались и при опросе работников промышленных предприятий г. Свердловск. Причем исследователь В.И. Колосницын, проводивший опросы, уточнял, что «около половины являлись высококвалифицированными служащими и инженерно-техническими работниками» [15, с. 48–49].

Вместе с тем динамика религиозности в 1970-е гг. также имела противоречивый характер. М.В. Булавин, исследовавший православную религиозность Свердловской области в 1970-е гг., приводил следующие показатели, свидетельствующие о спаде религиозной активности: «Так, в 1971 г. ... в Свердловской области было окрещено – 7,4 %. Доля крещеных детей несколько уменьшилась ко второй половине 1970-х гг., составив в 1976 г. ... 4,6 % в Свердловской области» [15, с. 47]. В целом в 1970 г., согласно официальным отчетам, в РПЦ было окрещено 21 %

всех детей, родившихся в СССР, и 22,3 % – в РСФСР [16, л. 85].

Картину дополняют и сведения, полученные в ходе опросов: большинство крещений младенцев совершается не по религиозным мотивам, а в связи с соблюдением семейных традиций: 30–40 %, по некоторым данным – до 70–77 %, 30–40 % (в некоторых случаях – до 74–88 %) – по настоянию верующих родственников [17, с. 9].

Однако исследователи тех лет характеризуют ситуацию, не всегда раскрывая сложность реальных процессов и не считая нужным обращаться к альтернативным источникам информации. Так, существенное уменьшение количества крещений, фиксируемых официальными советскими документами, в первую очередь отражает кардинальное сокращение численности действующих приходов и священников, имеющих возможность совершать крещение в церкви с оформлением квитанции через церковную кассу и учетом треб – информация об этом должна была поступать к Уполномоченному Совету по делам религий. Как пишет заведующий архивом Тамбовской епархии О.Ю. Левин в статье «Религиозная жизнь православных христиан Тамбовской области 1974–1985 гг.»: «Сведения о крещаемых, их родителях, восприемниках заносились в специальный журнал и при случае, по месту работы сообщалось о факте крещения ребенка. За это следовало наказание вплоть до увольнения с места работы. Это был достаточно действенный механизм для борьбы с обрядностью, но, тем не менее, председатели Комиссий из года в год констатировали, что обрядность по-прежнему остается высокой (примерно на уровне 50 % от родившихся), а доходы храмов растут» [18, с. 16].

Таким образом, указанные низкие показатели весьма односторонне отражают положение. Они не учитывают требы, в том числе крещения, которые совершались вне церкви, или в обход церковной регистрации. Необходимо также принимать во внимание не подлежащую официальному учету и строгому надзору внецерковную религиозность, проявляющуюся в отправлении обрядов крещения младенцев, других треб священниками, не имеющими регистрации в епархиях, монастырях, мирянами. Масштабы ее распро-

странения, по свидетельствам современников, были значительными.

Кроме того, официальные данные существенно отличаются по регионам. В тех из них, которые не подверглись масштабной индустриализации и не произошел значительный отток населения, даже данные официальных отчетов отражают сохранение религиозности населения на уровне исполнения обрядов. Так, по «Сведениям о доходах церкви и обрядности по Тамбовской области за 1968 г.», предоставленным Уполномоченным в Совет по делам религий, было совершено 9405 крещений, 8504 отпевания [19, л. 1, 20]. В 1975 г. крещений совершено 9138, что составило около 60 % от гражданских актов регистрации [20, л. 21-23]. В 1980 г. крещений 7288 – это 41 % от родившихся, и 9599 отпеваний [21, л. 1]. В 1987 г. крещений 7737, что составило 39 % от всех родившихся, отпеваний 10815 – 58 % от умерших [22, л. 1-3]. Следует также учитывать, что общие цифры в отчете приводятся средние, тогда как разброс по населенным пунктам по исполнению названных обрядов от 16 до 85 %.

В 1968 г. в Свердловской епархии было совершено 4956 крещений и 247 венчаний. По мнению исследователей, уровень религиозности населения за Уралом был ниже, чем в центральных областях страны, что объясняется тем, что эти регионы были в большей степени затронуты процессами переселения людей, прибывающих для строительства промышленных предприятий и отрывающихся от традиций, влияния старшего поколения [6, с. 499].

Данное различие по областям сохраняется и в постсоветский период. Так, по данным исследования 2014 г., проводившегося Центром религиоведческих исследований Тамбовского университета, 81,5 % жителей Тамбовской области назвали себя верующими, при этом 87,2 % жителей идентифицировали себя в качестве православных. А по данным проекта Арена в Свердловской области, которая по численности населения превышает Тамбовскую область в четыре раза, в качестве православных себя идентифицировали 33 %, 36 % констатировали, что верят в высшую силу, но не принадлежат ни к какой религии. Существенно различаются и показатели регионов по количеству атеистов: в

Тамбовской области – 4,5 %, в Свердловской области – 13 %.

Итак, можно констатировать, что показатели по совершению таких обрядов, как крещение, отпевание, посещение праздничных богослужений стабильно сохраняются на протяжении позднего советского периода, а к концу 1980-х гг. начинают расти.

Сохраняются на высоком уровне и даже демонстрируют рост доходы православной церкви: например, в 1980 г. – общая сумма доходов Тамбовской епархии 2757091 руб. [19, л. 21], в 1987 г. – 3577666 руб. [20, л. 24]. И основные статьи доходов составляют продажа свечей и предметов культа, исполнение обрядов, пожертвования, что также косвенно позволяет говорить о количестве верующих. Причем приведенная официальная статистика отражает минимальные показатели по названным статьям, действительные цифры были еще больше. Таким образом, и в поздний советский период на уровне исполнения обрядов сохраняется религиозность населения.

В 1970-е гг. исследователи фиксируют новую тенденцию в развитии религиозности различных слоев населения: одновременно при снижении количества «детских» крещений, в этот же период наблюдается рост числа «взрослых», то есть сознательных, крещений. Так, в 1971 г. в Свердловской области в 1971 г. крещение приняли 317 взрослых, в 1980 г. – 972 человека [23–25]. Рост «взрослых» крещений происходит и в Тамбовской области по официальным данным. Если, согласно официальным отчетам, идет почти двух-, трехкратное увеличение, то в реальности таких крещений было еще больше. Динамика очень значительная, и она свидетельствует о существенных изменениях, происходящих в мировоззрении советских граждан. Конечно, религиозное обращение, интерес к религии в этот период еще не носили массового характера.

Среди причин такого намечающегося всплеска интереса к религии в советских документах назывались следующие, носящие пропагандистский характер: «влияние старших родственников», «суеверное поведение», пресловутое «влияние западной пропаганды» [15]. В действительности причины заключаются в более сложных мировоззренческих трансформациях, в неудовлетворенности некоторой части граждан господ-

ствующей идеологией и, что немаловажно, в сохраняющейся преемственности по отношению к традиционной религиозности, воспроизводство которой обеспечивает исполнение обрядовой, культовой деятельности.

Проведенный анализ, на наш взгляд, выявляет противоречивую динамику религиозности населения в указанный период. С одной стороны, наблюдается некоторое снижение такого показателя традиционной религиозности, как посещаемость храмов. Однако в различных регионах России она обнаруживает себя по-разному: наибольшее снижение наблюдается в городах, в которые переселилось значительное число людей, задействованных на строящихся крупных промышленных предприятиях, стройках. Новые жители, оторвавшись от своих привычных мест проживания, утрачивают частично и прежние традиции, в том числе религиозные. Как пишет исследовательница Н. Макарова: «Перспективы и польза строительства новых городов на девственной земле, произведенного без помех, создаваемых традициями и предубеждениями прошлого, неоднократно отмечались лидерами советского государства. При создании новых городов их ключевой особенностью и главным достоинством, по мнению идеологов культурной революции, было отсутствие исторической памяти, прошлого в любых его проявлениях, в том числе и в религиозном» [26, с. 158].

В регионах же, не затронутых столь значительными процессами переселения, показатели традиционной религиозности не переживают такого кардинального упадка. Так, в Тамбовской области, в которой внешние миграционные процессы были незначительны, но имел место отток сельского населения в города, единственный действующий в городе храм посещают в воскресные дни 1000–1500 человек, на Пасху праздничные богослужения в субботу, воскресенье присутствуют до 4 тыс. народа. Это по официальным отчетам, предоставляемым уполномоченным. По свидетельствам очевидцев, имеющим порой выражено субъективный характер, храм в праздники посещало огромное количество народа, в том числе молодые люди, семьи с детьми, мужчины в возрасте 50–60 лет, интеллигенция, то есть те категории граждан, которых многие исследователи религиозности советского периода почти не выделяют

среди верующих [9, с. 359]. Посещаемость воскресных и праздничных богослужений в сельских храмах даже по официальным отчетам Уполномоченных, как мы уже отмечали, доходила до 30 % населения.

О сохраняющейся религиозности советских людей косвенно свидетельствует и такая особенность, на которую указывают ряд исследователей, характеризуя указанный период, как формирование своеобразного «советско-религиозного двоеверия», или своего рода социального конформизма, что проявлялось, например, в сочетании регистрации гражданского брака с церковным венчанием. Это явление широко распространено среди сельской молодежи еще в 1950-е гг. К примеру, в письме «Об антирелигиозной пропаганде в Бондарском районе» (Тамбовская область) от 8 июля 1954 г. А. Артемов приводит следующие факты: девять молодых колхозников венчались, из них четверо комсомольцы, и даже секретарь комсомольской организации. При том, что в самой комсомольской организации состоит около двадцати человек [9, с. 320–322]. Но в 1970-е гг. факты венчания встречаются гораздо реже.

Советское государство, пытаясь бороться с сохраняющейся религиозностью, в 1960-х гг. попыталось внедрить в бытность социалистическую обрядность, надеясь, что ее массовое распространение вытеснит религиозные обряды. Но результаты такого предприятия не оправдали ожиданий. С. Такахаси пишет: «Для многих людей проведение официальных советских ритуалов не противоречило поведению в соответствии с религиозными традициями» [27, с. 342].

Для того чтобы делать выводы о существовании устойчивого явления своеобразного «советско-религиозного двоеверия», на наш взгляд, основания есть. В пользу этого говорит формирование у некоторых верующих не просто терпимого или индифферентного отношения к проявлениям советской жизни, а оправдательно-положительного. Так, среди собранных нами воспоминаний верующих есть относящийся к 1960-м гг. рассказ Т.А. Рязановой. По ее словам, многие верующие женщины со временем начинали спокойно воспринимать участие своих детей в различных пионерских мероприятиях и даже само вступление в пионеры. Трансформация восприятия происходит под влиянием

повседневной действительности, и верующие матери начинают считать вполне совместимыми веру в бога и пионерскую деятельность, которая в таких своих проявлениях, как помощь старшим, забота о младших, честность, бескорыстность и т. п., соответствовала нормам христианской морали. Из воспоминаний Т.А. Рязановой: «Торжественно меня в пионеры не принимали. Так, бегала по школе, ко мне подошли, спросили: ты почему без галстука бегаешь? Я прихожу к маме, говорю, что требуется галстук. Она купила мне, повязала и я хожу, «пионерка». Как-то я услышала разговор между соседями, что верующим нельзя в пионеры вступать. Я дома маму спросила об этом, а она говорит: «Как все, так и ты» (Воспоминания Рязановой Тамары Алексеевны, 1939 г. р. Запись сделана 2 декабря 2012 г. – Т. П.).

Наблюдался также рост интереса советских людей к религиозным представлениям и парарелигиозным учениям. Это было обусловлено сложными социальными процессами, среди которых – кризис господствующей идеологии, вызывающий духовные поиски в среде интеллектуалов, жизнеспособность религиозных обычаев и укорененность многих культурных ценностей в религиозных традициях, что обеспечивало преемственность в сохранении и самих религиозных традиций. В результате, по мере ослабления государственной репрессивной политики в отношении верующих и религиозных объединений происходит естественное обращение некоторой части граждан к религии.

В марте 1988 г. на встрече с преподавателями Высшей партийной школы председатель Совета по делам религий К.С. Харчев в своем докладе констатирует: «В настоящее время в Советском Союзе тенденции к снижению религиозности нет. Каждый год производится 1 млн отпеваний, это 20–30 % покойников... 30 % младенцев крестят... 70 % верующих – это вам не шутки...» [28, с. 216–218].

Таким образом, процессы, происходящие в религиозной сфере в поздний советский период и в постсоветской России, взаимосвязаны и социально обусловлены.

В позднесоветский период в условиях ограничения деятельности верующих и религиозных организаций религия также присутствовала в жизни советских людей на уровне

ценностей культуры, праздничных ритуалов и обрядов, связанных с событиями жизненного цикла (крещение, погребение). Сохранялась преемственность религиозных традиций по отношению к предшествующим периодам, когда религиозность еще носила массовый характер, что обеспечивало воспроизводство слоя религиозных людей и высокий уровень религиозности в категории людей 50 лет и старше.

В религиозности современных россиян наблюдается кардинальное расхождение между уровнем декларируемой религиозности и реальной религиозностью, предполагающей исполнение религиозных практик. По данным исследования Центра религиоведческих исследований Тамбовского университета, 87,9 % опрошенных назвали себя православными, при этом только 8 % опрошенных регулярно участвуют в жизни церкви, большинство же – более 60 % посещают богослужение по большим праздникам (Рождественское, Пасхальное богослужение) или в связи с такими событиями, как крещение, венчание, панихиды, прибытие икон, мощей, других святынь. Только 6 % опрошенных часто читают литературу религиозного содержания и 40 % вообще ее не читают¹.

Изучая динамику изменений в религиозности россиян, мы фиксируем процессы, которые описывает Г. Дэви по отношению к европейскому обществу: действительно религиозных людей становится все меньше, но качество их веры возрастает [29]. Отмеченные тенденции обнаруживает себя и в отдельных группах россиян. Так, произошло снижение доли верующих православных в среде образованных россиян, но при этом представители этой же группы стали активнее участвовать в религиозной жизни: в 2012 г. 12 % граждан с высшим образованием заявляли, что ежедневно молятся, в 2014 г. – их уже 14 %. В 2012 г. 3 % граждан с высшим образованием указали, что ежемесячно ходят на исповедь, в 2014 г. уже 7 % отметили, что причащаются раз в месяц и чаще [30].

В ходе исследований сотрудники Центра религиоведческих исследований Тамбовского университета также обнаружили рост по-

¹ Исследование Центра религиоведческих исследований ТГУ, 2011–2014 гг. Проводилось среди жителей Тамбовской области. Выборка 3200 человек. Метод: анкетирование.

казателей по участию в религиозных практиках в группе людей, уверенно называющих себя верующими: за последние 5 лет (сроки мониторинга, проводившегося в Тамбовской области, 3 опроса по 1350–1500 человек) увеличение показателя по регулярному посещению богослужения, церкви с 7–10 до 16–20 %.

Эту же тенденцию подтверждают результаты исследования, проводившегося с июня по сентябрь 2015 г. в Свердловской области среди прихожан православных храмов. Не реже одного раза в неделю посещают богослужение 60 % опрошенных, 44 % причащаются раз в месяц и чаще, 35 % соблюдают посты, регулярно читают Евангелие 38,5 %¹. В данной группе верующих, имеющих регулярную религиозную практику, происходит постепенный рост названных показателей, что свидетельствует о том, что самоидентификация сопровождается религиозными практиками, и характер последних становится все более регулярным и системным.

Однако данная тенденция пока проявляется только в среде верующих людей, имеющих регулярную религиозную практику, и не распространяется на значительное число россиян.

Таким образом, на основании проведенного историко-сравнительного анализа можно сделать вывод, что уровень активности религиозных практик в постсоветской России не претерпел существенных изменений в сравнении с уровнем исполнения религиозных практик в поздний советский период. Общая численность людей, регулярно отправляющих религиозные обряды, посещающих богослужения и религиозные собрания осталась приблизительно на таком же

уровне. Вторая тенденция в религиозности современных россиян также схожа с советскими показателями: высокий уровень исполнения религиозных практик присущ малочисленной категории глубоко верующих людей.

Список литературы

1. *Одинцов М.И.* «Вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой...». СПб., 2012. 504 с.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-5220. Оп. 2. Д. 11.
3. Новая и новейшая история епархии. URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/history/after1917> (дата обращения: 19.05.2016).
4. *Лавринов В., протоиерей.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001. 334 с.
5. *Лавринов В., протоиерей.* 120 лет Екатеринбургской епархии. История и современность. Екатеринбург: Тип. Екатеринбург. епархии, 2005. 31 с.
6. История Екатеринбургской епархии / авт.-сост. Е.М. Главацкая, А.В. Мангилева, И.Л. Манькова, В.А. Мусихин, М.Г. Нечаев, М.Ю. Нечаева. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2010. 551 с.
7. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2166192.html> (дата обращения: 14.01.2014).
8. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 2. Д. 45.
9. *Чеботарев С.А.* Тамбовская епархия 40–60-х гг. XX в. Тамбов, 2004. 380 с.
10. *Кокс Х.* Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Восточная литература, 1995. 261 с.
11. *Цытин В., протоиерей.* История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005 гг.). М.: Изд-во Срет. монастыря, 2007. 813 с.
12. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. Р-70. Оп. 2. Д. 872.
13. НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 2. Д. 1004.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2601.
15. *Булавин М.В.* Уровень православной религиозности на среднем Урале в 1970-е гг. // Грамота. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14): в 4 ч. Ч. 2. С. 46–49.
16. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 63. Д. 89.
17. *Иванов Б.В.* Сохранение религиозно-бытовых пережитков в условиях крупного промышленного города (к исследованию причин и мотивации совершения религиозного ритуала

¹ Социологическое исследование проводилось с июня по сентябрь 2015 г. Опрос проводился в трех городах Свердловской области: Екатеринбурге (1,5 млн жителей), Нижнем Тагиле (350 тыс. жителей), Кировограде (22 тыс. жителей). Гнездовая выборка составила 1081 человек, из них 644 – в Екатеринбурге, 320 – в Нижнем Тагиле, 120 – в Кировограде. В исследовании принимали участие респонденты, идентифицирующие себя как православные; опрос проводился в 15 приходах после воскресной службы, а также в будние дни в вечернее время. При анализе данных использовался метод кластерного анализа к-средних.

- крещения): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 26 с.
18. Левин О.Ю. Религиозная жизнь православных христиан Тамбовской области 1974–1985 гг. // Философские традиции и современность. Тамбов. 2012. № 2. С. 15-19.
 19. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 358.
 20. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 386.
 21. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 302.
 22. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 338.
 23. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 389.
 24. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1961.
 25. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1962.
 26. Макарова Н. Город без церквей: религиозность в Магнитогорске в 1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4 (30). С. 158-180.
 27. Такахаси С. Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие Владимирской области // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 4 (30). С. 328-348.
 28. Из сокращенной записи доклада председателя Совета по делам религий К.С. Харчева на встрече с преподавателями ВПШ (март 1988 г.) // Русская православная церковь в советское время: Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. в 2 кн. / сост. Г. Штриккер. М., 1995. 400 с.
 29. Believing Without Belonging? A Conversation With Sociologist Grace Davie // Thinking in Public. 2011. November 9. URL: <http://www.albertmohler.com/2011/12/01/believing-without-belonging-a-conversation-with-sociologist-grace-davie> (дата обращения: 11.01.2015).
 30. Россияне с высшим образованием: неверующие, но религиозные, патриотичные и интернет-активные. URL: <http://sreda.org/ru/surveys/rossiyane-s-vysshim-obrazovaniem-neveruyushhie-no-religioznyie-patriotichnyie-i-internet-aktivnyie/> 140732 (дата обращения: 03.09.2014).
- References**
1. Odintsov M.I. «*Vy primite silu, kogda soydet na vas Dukh Svyatoy...*» [“But ye shall receive power, when the Holy Spirit is come upon you...”]. St. Petersburg, 2012. 504 p. (In Russian).
 2. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO) [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 2, list 11. (In Russian).
 3. Novaya i noveyshaya istoriya eparkhii [New and modern history of eparchy]. Available at: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/history/after1917/> (accessed 19.05.2016).
 4. Lavrinov V., protopriest. *Ekaterinburgskaya eparkhiya. Sobytiya. Lyudi. Khramy* [Ekaterinburg eparchy. Events. People. Temples]. Ekaterinbur, Ural State University Publ., 2001. 334 p. (In Russian).
 5. Lavrinov V., protopriest. *120 let Ekaterinburgskoy eparkhii. Istoriya i sovremennost'* [120 years anniversary of the Ekaterinburg eparchy. History and contemporaneity]. Ekaterinburg, Ekaterinburg eparchy typography, 2005. 31 p. (In Russian).
 6. *Istoriya Ekaterinburgskoy eparkhii* [History of Ekaterinburg eparchy], compilers E.M. Glavatskaya, A.V. Mangileva, I.L. Man'kova, V.A. Musikhin, M.G. Nechaev, M.Yu. Nechaeva. Ekaterinburg, “Sokrat” Publ., 2010. 551p. (In Russian).
 7. Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo patriarkhata [Official site of Moscow patriarch]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2166192.html> (accessed 14.01.2014).
 8. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO) [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 2, list 45. (In Russian).
 9. Chebotarev S.A. *Tambovskaya eparkhiya 40–60-kh gg. XX v.* [Tambov eparchy in 40–60s XX century]. Tambov, 2004. 380 p. (In Russian).
 10. Koks Kh. *Mirskoy grad: sekulyarizatsiya i urbanizatsiya v teologicheskom aspekte* [Temporal city: secularization and urbanisation in theological aspect]. Moscow, East literature Publ., 1995. 261 p. (In Russian).
 11. Tsy-pin V., protopriest. *Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi. Sinodal'nyy i noveyshiy periody (1700–2005 gg.)* [History of Russian Orthodox Church. Synodal and Modern period (1700–2005)]. Moscow, Sretenskiy abbey Publ., 2007. 813 p. (In Russian).
 12. Nizhnetagil'skiy gorodskoy istoricheskiy arkhiv (NTGIA) [Nizhny Tagil urban historical archive], fund R-70, file 2, list 872. (In Russian).
 13. Nizhnetagil'skiy gorodskoy istoricheskiy arkhiv (NTGIA) [Nizhny Tagil urban historical archive], fund R-70, file 2, list 1004. (In Russian).
 14. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archive of the Russian Federation], fund 6991, file 6, list 2601. (In Russian).
 15. Bulavin M.V. Uroven' pravoslavnoy religioznosti na srednem Urale v 1970-e gg. [Orthodox religiosity level within Central Ural in the 1970s]. *Gramota. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Gramota. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2011, no. 8 (14): in 4 parts, part 2, pp. 46-49. (In Russian).
 16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI) [Russian State Archive of Modern History], fund 5, file 63, list 89. (In Russian).

17. Ivanov B.V. *Sokhranenie religiozno-bytovykh perezhitkov v usloviyakh krupnogo promyshlennogo goroda (k issledovaniyu prichin i motivatsii soversheniya religioznogo rituala kreshcheniya)* [Safety of religious and common vestiges in the big industrial city (investigation on causes and motivation of making religious ceremony of christening)]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk. Leningrad, 1982. 26 p. (In Russian).
18. Levin O.Yu. Religioznaya zhizn' pravoslavnykh khristian Tambovskoy oblasti 1974–1985 gg. [Religious life of orthodox christians of Tambov Region in 1974–1985]. *Filosofskie traditsii i sovremennost' – Philosophical traditions and contemporarity*, 2012, no. 2, pp. 15-19. (In Russian).
19. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO)* [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 1, list 358. (In Russian).
20. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO)* [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 1, list 386. (In Russian).
21. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO)* [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 1, list 302. (In Russian).
22. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO)* [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 1, list 338. (In Russian).
23. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], fund 6991, file 6, list 389. (In Russian).
24. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], fund 6991, file 6, list 1961. (In Russian).
25. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], fund 6991, file 6, list 1962. (In Russian).
26. Makarova N. Gorod bez tserkvey: religioznost' v Magnitogorske v 1930-e gody [Town without churches: religiosity in Magnitogorsk in 1930s]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, religion, church in Russia and foreign countries*, 2012, no. 3-4 (30), pp. 158-180. (In Russian).
27. Takakhasi S. Dva tipa religioznosti vremen pozdnego sotsializma: pravoslavnye veruyushchie Vladimirskoy oblasti [Two types of religiosity of people under late socialism: orthodox followers on Vladimir Region]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, religion, church in Russia and foreign countries*, 2012, no. 4 (30), pp. 328-348. (In Russian).
28. Iz sokrashchenoy zapisi doklada predsedatelya Soveta po delam religiy K.S. Kharcheva na vstreche s prepodavatel'nykh VPSH (mart 1988) [From report note of Religion Chairman K.S. Kharchev on the meeting with teachers of Leadership Academy (March, 1988)]. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v sovetskoe vremya: materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdu gosudarstvom i Tserkov'yu: v 2 kn.* [Russian orthodox church in Soviet period: materials and documents on history of relations between State and Church: in 2 books], compiler G. Shtrikker. Moscow, 1995. 400 p. (In Russian).
29. Believing Without Belonging? A Conversation With Sociologist Grace Davie. *Thinking in Public*. 2011. November 9. Available at: <http://www.albertmohler.com/2011/12/01/believing-without-belonging-a-conversation-with-sociologist-grace-davie> (accessed 11.01.2015).
30. *Rossiyanе s vysshim obrazovaniem: neveruyushchie, no religioznye, patriotichnye i internet-aktivnye* [Russians with higher education: unbelievers, but religious, patriotic and active in the Internet]. Available at: <http://sreda.org/ru/surveys/rossiyane-s-vysshim-obrazovaniem-neveruyushhie-no-religioznye-patriotichnye-i-internet-aktivnye/140732> (accessed 03.09.2014).

Поступила в редакцию 07.06.2016 г.
Received 7 June 2016

UDC 394

HISTORICAL AND COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LATER SOVIET PERIOD'S RELIGIOSITY IN THE CONTEXT OF REVIVAL OF RELIGION IN THE POST-SOVIET RUSSIA: BASING ON THE EXAMPLE OF THE TAMBOV AND SVERDLOVSK REGIONS

Tatyana Sergeevna PRONINA

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department, Director of Religious Studies Centre

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: tania_pronina@mail.ru

The religious revival experienced by Russia in its post-Soviet period is the object of a close study and has received ambiguous assessment of researchers. This phenomenon combines the complex processes that have multidirectional and contradictory nature. Qualitative and quantitative indicators of this revival can be objectively assessed only in connection with the clarification of prior to them cultural and historical premises. Historical and comparative analysis included comparison of main manifestations of religiosity in their spatial and time dimension indicates the presence in the Soviet reality the conditions predetermined "revitalization" of religion in the post-Soviet period. Among the main reasons of "religious revival" are called: the preservation of religiosity on the level of rituals and household traditions; the reproduction of the practicing religion in the narrow circle of deeply religious people; and the growth of interest in religion in the 1970s in different groups of the Soviet society. The data for two regions are analyzed: the Tambov and Sverdlovsk; it discovers differences in the nature of religiosity of the people, predefined by historical and cultural processes. It allowed receive important conclusions about the mechanisms of preservation and reproduction of religiosity. The study used the documents of regional archives and memoirs of eyewitnesses of the events collected during the field researches.

Key words: religion; religiosity in the late Soviet period; rituals; religious revival

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-123-134

Информация для цитирования:

Пронина Т.С. Историко-сравнительный анализ религиозности позднего советского периода в контексте возрождения религии в постсоветской России: на примере Тамбовской и Свердловской областей // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 123-134. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-123-134.

Pronina T.S. Istoriko-sravnitel'nyy analiz religioznosti pozdnego sovetского perioda v kontekste vozrozhdeniya religii v postsovetskoy Rossii: na primere Tambovskoy i Sverdlovskoy oblastey [Historical and comparative analysis of the later Soviet period's religiosity in the context of revival of religion in the post-Soviet Russia: basing on the example of the Tambov and Sverdlovsk regions]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 123-134. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-123-134. (In Russian).